

О. Г. УСЕНКО

Тверской госуниверситет

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-КАРЕЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ: РАЗБОЙНИКИ БЕЖЕЦКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Своеобразной и достаточно распространённой формой межэтнических контактов (не только в России, но и в других странах) являлась деятельность разбойничьих “партий”, включавших в себя представителей разных народов. Примеры таких контактов знает также история русско-карельских взаимоотношений на территории Верхневолжья. Об этом свидетельствуют материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (ф., 371, оп. 1, ч. 3, ед. хр. 14276).*

В конце мая 1702 г. в Москву ушла челобитная, которую подписали 26 помещиков и вотчинников Бежецкого, Новгородского и Устюжского-Железопольского уездов. Они жаловались, что “объявились многие воры и разбойники... русские люди и кореленя... где те уезды сошлис поблиску” (л. 2, 4–5).

Атаманом шайки являлся Степан Алексеев сын Кропоткин по прозвищу “Чекмарь” или “Клопёнок” (л. 8 об., 23). Происхождение его неизвестно, однако весьма возможно, что он был уроженцем одного из перечисленных уездов. Дело в том, что его зять – Варлам Тимофеев, тоже разбойник, – был бобылём принадлежавшей Петру Козловскому деревни Лазорково Бежецкого уезда (л. 32). В шайку входил и брат С. Кропоткина – Андрей Крохарь (л. 24 об.).

Время формирования шайки относится, очевидно, к марту – апрелю 1702 г. В начале мая численность её составляла 90–100 чел. (л. 1, 6 об., 8 об.). В соответствии с давней традицией разбойническая “партия” строилась по аналогии с казацкими отрядами. Характерно, что разбойники предпочитали называть свою организацию “станцией” (л. 23 об., 24 об.). Помимо атамана, они выбрали его официальных помощников – есаулов. Были у разбойников и свои знамёна (“значки тафтяные кумашные”). Что касается вооружения “воровских людей”, то источники упоминают ружья, пищали, копья, рогатины, пистолеты и бердыши (л. 1–2, 39 об. – 40).

Местом зарождения и основным районом базирования шайки была северная часть Бежецкого уезда (чуть южнее Велье-Весьегонска). Хотя источники упоминают среди разбойников беглых солдат и выходцев из других уездов, тем не менее можно полагать, что ядро “партии” составили местные крестьяне – русские и карелы. Из 8-ми разбойников, схваченных уже летом 1702 г., происхождение двух неизвестно, один был выходцем из крестьян Белозерского уезда, а пятеро оказались бежечанами: русские (Г. Фёдоров, Ф. Радёнок, В. Тимофеев) – помещичьими, а карелы (М. Константинов, А. Павлов) – дворцовыми крестьянами (л. 23 об. – 24 об., 32).

Своеобразие внутренней жизни разбойнической “партии” заключалось в том, что у неё не было постоянного лагеря за пределами крестьянских поселений (например,

* Ссылки на эти материалы будут даваться в тексте в скобках

некоторые (наиболее крупные) поселения Бежецкого уезда стали для неё излюбленными местами отдыха и сбора – к примеру, д. Иван-гора в дворцовой Кесемской волости и карельское с. Мякишево в дворцовой Пятницкой волости (л. 6 об., 23 об., 24 об.). Кроме того, поскольку большинство разбойников были местными уроженцами и часто отлучались к своим семьям, постольку у них в ряде мест (прежде всего на пути к родному дому) были доверенные лица – “становщики” или “станодержатели”, которые обеспечивали им ночлег и пищу, а также прятали у себя награбленное. Из четырёх известных нам “становщиков” двое были русскими (помещичьими крестьянами) и двое карелами, жившими на дворцовых землях (л. 23, 32, 39).

Понять, почему бежецкие крестьяне пошли “в разбой”, может помочь перечень требуемых с них чрезвычайных (дополнительных) налогов и повинностей. С учётом “доимки” за 1701 г. бежецкий воевода в 1702 г. с каждого двора был обязан собрать по 2,25 руб., полторы осьмины (157,5 л) ржаного хлеба, пол-осьмины (52,5 л) овса и 20 пудов сена. Кроме того, к 9 мая каждые 10 дворов должны были выслать по одной подводе в с. Валдай Новгородского уезда (л. 6).

Таким образом, активизацию разбойничества в Бежецком уезде можно увязать с началом Северной войны, которая привела к резкому усилению фискального гнёта. Однако не стоит, усматривая в разбойничестве форму социального протеста, наделять его романтическим ореолом. Ушедшие “в разбой” своё недовольство обращали не только на представителей государственного аппарата и феодалов, но также на приходское духовенство и крестьян – частновладельческих, монастырских, дворцовых. Те, кого иногда называют “джентльменами удачи”, были прежде всего грабителями и убийцами.

Первой акцией шайки С. Кропоткина стало разорение в конце апреля с. Якушино Бежецкого уезда, причём пострадала не только помещица – вдова Игнатия Склятинина, но и её крестьяне. После этого разбойники отправились на север, в Устюжский-Железопольский уезд, и почтили своим вниманием с. Ёлкино (владелец – князь И. М. Юсупов-Черкасский). Отсюда они повернули на запад – в Новгородский уезд, где разорили около десятка частновладельческих и дворцовых сёл, причём “розбили жь дву попов с причетники... да Пономарёва сына закололи копьём...” (л. 2–2 об.).

Вернувшись на бежецкие земли, С. Кропоткин “с товарищи” отдыхать не стали. К середине мая они “разорили и разграбили село Черемесь: дома вдовы Оксиньи Михайловские жены да вдовы Катерины Яковлевские жены Милюковых, и людей их и крестьян и самих их жгли и мучили. Да князь Алексея жь князь Юрьева сына Мещерского в селце Погорелках крестьян ево, да князь Петра князь Фёдорова сына Хилкова деревню Бориса и Глеба розбили жь и разграбили, и дву человек крестьян ево, князь Петровых, да крестьянку сожгли и замучили до смерти. И около той деревни многие дворянские дома и иных чинов жилецких людей розбили и разграбили” (л. 3).

Характерно поведение налетчиков: “А в тех вышписанных домех те воры и разбойники всякие пожитки и денги пограбили без остатку, а платце плохое и всякую домовую рухледь и посуду, чего они с собою не взяли, и то всё на огне пожгли и изрубили и изломали. А розбиваючи, во многих селех дневали и стояли по суткам и болши, и впредь похвалялись собратца болши того многолюдством и досталные в тех местех сёлы и деревни разорить без остатку” (л. 3–3 об.).

Правда, исполнить свои угрозы разбойники не успели. Можно полагать, что в это время (в середине мая) С. Кропоткин узнал о судьбе “воровского атамана” Григория Гори, которым действовал в Угличском уезде и был если не в подчинении у Степана, то в союзе с ним. Г. Горя и часть его соратников были схвачены “сыщиком” Иваном Сумароковым и перед отправкой в Вологду содержались в с. Чамерове, административном центре “дворцовых карельских волостей”. Шайка С. Кропоткина отправилась на выручку, не забывая, впрочем, и о своём интересе.

И. Сумароков сообщал угличскому воеводе: “А воры де и разбойники атаман Стёпка Чекмарь с товарищи... ходят разбоем з знамёны в Чамеровском присуде около Чамерова села в ближних местех верстах в десяти и менши, и многие де сёла и деревни, и в селех церкви божию пожигают, и многих людей до смерти бьют и жгут. А ево, Ивана Суморокова, убить и село Чамерово выжеч и людей вырубить хотят” (л. 8 об.).

И. Сумароков с отрядом “погонщиков” двинулся против С. Кропоткина и заставил его уйти обратно в Бежецкий уезд (л. 9). При этом разбойники потеряли 20 или даже 30 человек. К такому выводу подводит известие, что на сборе в д. Иван-Гора (около 18 мая) под началом “Клопёнка” было только “человек с шездесят и болши” (л. 23 об.). Впрочем, в конце мая численность его соратников достигла уже 80 человек (л. 24 об.). Очевидно, ряды их пополнили местные крестьяне – такие, как житель помещичьего с. Пруды Григорий Фёдоров, примкнувший к шайке в д. Иван-Гора.

Похождения шайки во второй половине мая Г. Фёдоров описывал на допросе так: “И из деревни де Иван-горы пришли они, воры и разбойники... в Бежецкий уезд в вотчину Троецкого Сергеева монастыря в село Молоково, и в том де селе...имали хлеб и всякие харчи. А ис села де Молокова пошли они, Гришка с товарищи, тое жь вотчины в деревню Савачево да в деревню Перевёртку и в тех деревнях крестьян жгли и девок и женок блудили. И ис тех де деревень Савачева и Перевёртки пришли они... в вотчину Ивана да Семёна Змеевых в село Деледино и в том селе... у попа обедали. И ис того села Деледина они... пришли в вотчину адмиралтейца Фёдора Матвеевича Опраксина села Кесмы в деревню Елцыно и в той деревне жгли корелянина Гарасима прозвище Щербака, а выжгли денег де у него, Гарасима, два рубли. А из деревни де Елцына пришли они ... тое жь вотчины в деревню Хвастово и в той де деревне корелянина Тимофея жгли... и взяли у него... денег пять рублиев. И из... деревни Хвастова пришли они... в... село Кесму и в том де селе... приказного человека Михаила Мелницкого дом ево разорили и пограбили, а посуду де и платье перерубили и покололи. Ис села де Кесмы пришли они... в Бежецкой же уезд в вотчину Симонова монастыря в село Чернецкое, и то де село... и деревню Романцово они... выжгли. И ис села Чернецкого пришли они... дворцовой Пятницкой волости в деревню Мякишово, и из деревни де Мякишовой он, Гришка, от них, разбойников, ушёл” (л. 23 об. – 24).

Надо сказать, что время от времени разбойники давали себе передышку. Тот же Г. Фёдоров на допросе показал, что шайка двое суток стояла в с. Васюткино (владелец – стольник Леонтий Глебов). Там у С. Кропоткина был “становщик” Фёдор Фёдоров, которому атаман дал на хранение кое-что из “воровской разбойной рухляди” (л. 23–23 об.).

По незнанию, нежеланию или забывчивости Г. Фёдоров не сказал о том, что шайка или отделившиеся от неё отряды отметились ещё в четырёх местах Бежецкого уезда: “воровские люди” занимались разбоем в карельской д. Глазачёво “государевой новоотписной Орловской волости” (л. 39), пытались поживиться в русско-карельской д. Волково, принадлежавшей Артемию Яхонтову (л. 39 об.), разграбили

“Знаменского монастыря село Хабоцкое” (л. 3), а также “розбили де и жгли они... вотчины Фёдора Матвеевича Опраксина деревни Хрепцова крестьянина Ивана прозвище Бурой и взяли де у него денег двадцать рублёв” (л. 24 об. – 25).

Кроме того, Г. Фёдоров не объяснил, почему он покинул шайку. Между тем известно, что и Марк Константинов ушёл от разбойников тогда, когда те были в д. Мякишево – около 31 мая (л. 24 об.). Чем же было вызвано их решение ?

О раскаянии говорить не приходится. Дело в том, что 31 мая или 1 июня к д. Мякишево подошёл соединённый отряд “сыщика” И. Сумарокова и бежецкого воеводы Н. Титова, “и с теми де ворами был у них бой” (л. 6 об.). Победа, очевидно, была на стороне правительственных войск. Это можно заключить по тому, что в июне разбои прекратились. Есть известие, что какое-то время разбойники стояли в д. Чернятино дворцовой Пятницкой волости (л. 24 об.). Вероятно, там был “стан”, где они собирались с силами. Но продолжить свою разбойную деятельность шайке С. Кропоткина уже не довелось.

В конце июня 1702 г. в Бежецк прибыл капитан Михаил Лисогорский с 50 солдатами (л. 17, 21). Он сразу начал опрашивать местных жителей о местонахождении разбойников, их “пonorовщиков” и “станов”. Поначалу ему ничего не сообщали – люди боялись (л. 21 об. – 22). Но затем крестьяне осмелели и стали помогать в сыске разбойников. Настроение бежечан изменилось благодаря деятельности не только М. Лисогорского, но и капитана Ариста Михельсона, который со своим отрядом хотя и действовал прежде всего в Устюжском-Железопольском уезде, но и на Бежецкую землю “посылал солдат для поимки воров и разбойников безпрестанно” (л. 21 об.).

В это время, по всей видимости, шайка “Чекмаря” стала распадаться: вчерашние крестьяне предпочитали вернуться к прежней жизни. Некоторые отправлялись по домам, а некоторые прятались у дальних родственников или знакомых. Среди укрывателей разбойников упоминаются и русские, и карелы (л. 29 об., 39 об.).

Тем не менее в июле – августе лишь один М. Лисогорский схватил 11 разбойников и “становщиков” (л. 40 об). Причём двое разбойников были арестованы благодаря “изветам” крестьян карелов Павла Аксёнова и Гаврилы Никифорова, а одного разбойника Матвей Фёдоров, житель карельской деревни Иванихи дворцовой Сандовской волости, самостоятельно “поймал в лесу”, хотя тот был вооружён рогатиной (л. 32, 39–40).

В конце августа 1702 г. отряд М. Лисогорского отправился обратно в Москву, а сыском С. Кропоткина и его сподручных стал заниматься А. Михельсон (л. 31 об., 40 об.). К сожалению, о результатах его деятельности источники не сообщают, но всё же можно полагать, что к концу 1702 г. Бежецкий уезд был очищен от соратников “Чекмаря”, которые частью, видимо, сумели скрыться, а частью попали в руки властей.

Правда, встаёт вопрос: надолго ли воцарилась тишина и порядок на Бежецкой земле ? Ответ на это могут дать лишь дальнейшие исследования.